

Вниз по течению сильные ветры, и я от них не сбегу

Зоран Вранич

Последний рывок до монастыря дается очень тяжело. Зорану в эти месяцы многое дается тяжело, но сейчас все как-то особенно плохо.

Ему просто сложно тащить самого себя по горной тропинке. У него с каждым шагом все сильнее раскалывается голова. И словно приходится не просто толкать вперед себя, свое потяжелевшее от физической и моральной усталости тело, но и проталкиваться сквозь сопротивление матушки. Ее тень ощущается сейчас особенно настойчивой и осязаемой. Зорану в иные мгновения даже чудится, что если она навалится, упрется ему в грудь, то вдруг окажется физически плотной, сможет задержать или и вовсе остановить. Ему приходится раз за разом напоминать себе: *это не по-настоящему, просто чудится, на самом деле матушки здесь нет, она не может коснуться. Она не тронет.* Но от напоминаний, увы, легче не становится.

Шепот матушки как морские волны: то отступает, то вновь захлестывает сильнее. Иногда он почти совсем стихает — и тогда становится легче, у Зорана в такие моменты даже в глазах немного проясняется. Он даже чувствует что-то, похожее на открывающееся второе дыхание, и оптимистично думает, что так дойти до монастыря будет не так уж сложно. Но потом к затылку и вискам снова подкатывает тяжёлая боль, а шепот сгущается, начинает звенеть в обоих ушах разом. По мере приближения к монастырю такие волны накатывают все сильнее, все ярче, и временами Зорану кажется, что он вот-вот вообще потеряет ориентацию в пространстве вообще, просто упадет, обессилив, и так никуда и не дойдет.

Примерно этим он и заканчивает, когда головная боль усиливается настолько, что начинает горячо отдаваться в затылке с каждым шагом: без сил сползает на землю. И тщетно твердит себе: *ничего, ничего, отдохнуть немного, и станет легче.* Хотя уж если признаваться самому себе честно — пока ничто не указывает на то, что станет легче, даже наоборот, Зоран как будто начинал чувствовать ледяные прикосновения к плечам, словно матушка пыталась заставить его развернуться и уйти.

Эжен Савиньяк

Эжен поначалу осторожно полагал, что до более плотной работы с учениками его еще какое-то время не допустят, продолжат обкатывать его педагогические способности на отдельных лекциях. Но, судя по всему, предположение это было неверным и Савиньяка сразу планировали включить в работу на полную катушку. Старшие мастера уже дали ему понять, что занятия стоит брать на себя поактивнее, потому что он тут подвернулся как раз своевременно и мог удачно прикрыть собой амбразуру там, где ученики искрились интересом и возникали с запросами. Часть из этих запросов Эжен даже успел ощутить напрямую, почувствовать на собственной шкуре. И как раз вовсю планировал под них занятия, когда его дополнительно нагрузили еще одной задачей: скоро в монастырь прибудет новый ученик, нужно помочь ему здесь устроиться.

У Эжена даже мысли не возникло спорить. Он по умолчанию полагал, что такие решения принимаются небезосновательно и взвешенно людьми, которым гораздо виднее, чем ему самому. Поэтому дальше он занимался тем, что пытался выяснить побольше деталей, чтобы лучше подготовиться к встрече. Но довольно предсказуемо особых деталей не получил, в основном все ограничилось посылом, что вот день, вот примерное время, а дальше разбираться придется на ходу. Не то чтобы Эжен был в полной мере к такому готов - для него подобная концепция "встреч" все еще была непривычной, в академии в свое время ничего подобного не предполагалось, там процесс был устроен на иной лад, - но ничего невыполнимого для себя пока не видел. В конце концов, для других мастеров и даже для некоторых обитателей это явно было что-то из области рутины, и Эжену тоже пора было в эту рутину включаться.

Поначалу как будто все шло достаточно понятно. Эжен, как его и проинструктировали, ждал своего будущего подопечного у ворот и даже уже видел фигуру, поднимающуюся к воротам по горной тропинке. Но потом в какой-то момент фигура осела на землю так тяжело, словно уже не планировала подняться, и стало очевидно, что стандартным вариантом "встретил - проводил" ограничиться не получится, и Эжен заспешил навстречу ученику.

- Привет. Что случилось? - спросил он, подойдя ближе. Сидевший на земле юноша был зеленоватого цвета, но в сознании и в целом выглядел так, как будто можно прощупать его осторожными вопросами и понять, насколько все плохо и с каким анамнезом вести ученика к врачевателям. Или, может быть, дело в чем-то другом и обойдется. Эжен попробовал уточнить чуть детальнее: - Тебе нехорошо? Что-то болит? - и шагнул ближе на случай, если ученику все же понадобится его помощь, чтобы встать.

Ирина Рейн

Ирину, конечно, расстроило, что их намеченная была встреча с Эженом - можно было считать это свиданием? или пока было преждевременно полагать, что у них все вот прямо серьезно? - в итоге всё-таки сорвалась, но это было хоть и печально, но все же объяснимо. Во-первых, там Ирина накосячила сама. Несмотря на все свое намерение быть аккуратной, она всё-таки влетела в гречанку Мадженту примерно на ровном месте, огребла еще дежурство там, где вообще делать этого было не обязательно, а потом начала пытаться торговаться за то, когда ей это дежурство отбывать, и в результате только получила еще одно сверху. Причем рыжая крепко подозревала, что карают ее уже скорее профилактически, исходя из предыдущих подвигов в фигуральной зачетке. Ну да что уж теперь, сама наработала, самой и разгребать, каким бы неприятным это ни было. Во-вторых, дело отягощалось тем, что Эжена как раз перевели в мастера - ну и, судя по всему, начали его гонять по мастерским обязанностям незамедлительно, не откладывая. Ну действительно: молодой, энергичный, сообразительный, чего б на нем не поездить-то - короче, это все тоже свободных окон для встречи не добавляло. Ирина начинала хмуро подозревать, что так у них все и кончится, даже не начавшись толком. Но пока еще была настроена бороться до упора. Не может такого быть, чтобы они неделями и месяцами не могли нормально пересечься, наверняка какой-то шанс будет, надо только его не проворонить.

Правда, пока не складывалось. Вот и сейчас Ирина, возвращаясь с тренировки за

пределами монастыря - она туда моталась, чтобы поотрабатывать свой огонь посерьезнее, чтобы можно было жахнуть пламенем от души и гарантированно никого и ничего важного не подпалить, если что-то пойдет не так, - сперва обрадовалась было, увидев шагающего навстречу Эжена, но быстро поняла, что ее радость тут вообще не в кассу. Что вцепиться в молодого человека вот прямо сейчас и навязать ему свою компанию не выйдет никак, потому что он явно шел куда-то очень адресно. А взглядевшись чуть внимательнее, Ирина и поняла, куда именно. На обочине тропинки сидел - даже скорее, полулежал, - худенький паренек. И его плачевная поза и нездоровый цвет лица очень быстро пошатнули решение Ирины не мешать людям и быстренько прошмыгнуть мимо. Что она, зря у сифу Давенпорт пороги околачивает и целительницу из себя корчит. Может, и пригодится сейчас. Поэтому вместо того, чтобы тихонько обойти обоих стороной, Ирина наоборот, рванула на сближение. И окликнула в первую очередь Эжена: - Вам тут помощь нужна? Я немного лечить умею. - Что-нибудь действительно серьезное, конечно, ни фи́га не вылечит, но какие-нибудь симптомы припорошить, чтобы пациент до лазарета-то дожил, это должно было быть ей вполне по силам.

Зоран Вранич

Когда Зоран опускается на землю, в первые мгновения ему становится легче. И дышать как-то попроще, и от головы немного отлегает, и оптимистично кажется, что еще немного, и станет вообще хорошо. Но потом, при попытке встать, на него опять наваливается болезненная тяжесть, а шепот матушки вновь набирает силу, снова начинает тревожнее звенеть в ушах.

Не ходи туда, милый

Они сделают тебе больно

Разлучат нас

Давай вернемся

Спускающегося по тропинке человека Зоран замечает лишь тогда, когда тот уже совсем близко. Вернее, первой его замечает – если так можно сказать – матушка: она вскрикивает и бросается наперерез. Зоран не столько видит это, сколько чувствует. На пару мгновений он все же успевает заметить тень, которая, раскинув руки, встает между ним и незнакомцем – *не пущу!* – и от эха этого крика у него вновь начинается неистово раскалываться голова.

– Не подходите! Она вас боится! Мне больно! – бестолково вскрикивает Зоран и обхватывает голову руками. Его сейчас не хватает ни на более внятные ответы, ни хотя бы на внятные рассуждения. Он сейчас может только провести простейшую линию: чем сильнее волнуется матушка, тем сильнее трещит голова, возможно, боль успокоится, если незнакомец отойдет. Появившуюся с другой стороны девушку Зоран пока не замечает вовсе: она словно бы попадает в слепое пятно, причем не только для него самого, не вызывает тревоги и потому остается совсем вне зоны его внимания.

Эжен Савиньяк

Попытка Эжена приблизиться к юноше оказалась пресечена неожиданным выкриком. Таким, словно Савиньяк только что лично наступил ученику на больное место, с особым цинизмом. Эжен пока не понимал, в чем дело - ни по поведению

юноши, ни по его сумбурному выкрику, - но сразу же остановился, даже отступил на шаг, показывая, что готов на чужое личное пространство без нужды не давить. Пока для него ситуация скорее выглядела так, что лучше было в ней сперва разобраться, а потом уже принимать какие-то существенные решения.

- Не переживай. Я не подхожу, - пообещал Эжен. Он уже торопливо соображал, как подступиться к проблеме и с какого конца ее раскручивать - после того, как он лучше вдумался в слова юноши, у него появилась догадка, но это было вот даже не полдела, а в лучшем случае процентов пять, - и внезапное появление Ирины его даже обрадовало, потому что открывало дополнительные возможности. Тем более, что девушка неожиданно, но очень кстати отрекомендовалась целителем. Так что как помеху Эжен ее не воспринимал сразу и в ответ на вопрос Ирины кивнул, соглашаясь, что помощь от нее была бы очень вовремя.

- Скажи, пожалуйста, - обратился он к юноше, проверяя еще одну небольшую догадку, - эта "она", о которой ты говоришь, - она боится нас обоих или только меня? - и он указал на Ирину, привлекая к ней внимание ученика. Если окажется, что Ирина сможет подойти к юноше, не тревожа его лишний раз, и что-нибудь сделать с его болезненным состоянием, это будет чудесно и заметно упростит дело.

Ирина Рейн

Ирина, если уж говорить начистоту, скорее ожидала все же посылки нафиг, когда полезла предлагать свои бесценные умения. Потому что тут явно происходила какая-то мастерско-ученическая история, в которую рыжая, по идее, не вписывалась никак. Но Эжен вдруг взял и кивнул в ответ на ее вопрос, может ли она тут чем-то помочь, и тут уже стало поздно делать вид, что она просто мимо шла. Ирина, впрочем, и не собиралась. Сама вызвалась же, никто за язык-то не тянул.

Паренек выглядел непонятно зашуганным и на повышенных тонах требовал к нему не подходить. Эжен же почему-то ему в этом потакал - Ирина не могла сказать, что она понимала, почему нельзя просто как следует встряхнуть новичка и потребовать не дурить и не орать на людей, которые помочь хотят, но все-таки спорить и лезть поперек не стала. Ладно, значит, будут заходить издалека, с реверансами и уговорами.

- Эй, привет, - окликнула Ирина паренька, стараясь все-таки привлечь его внимание - вот и Эжен как раз на нее показывал, и как будто ей пора было вступать с помощью, как наобещала. Она прищурилась, вглядываясь в ауру новичка, и предсказуемо не увидела там ничего хорошего - у него голова вся горела алым, словно охваченная злым огнем. Блин. Да у него ж, наверное, башка уже не просто раскалывается, а распадается на куски. Причин для такой боли Ирина пока не видела - но, возможно, их пока было просто не видно за этим красным пожаром, а если симптом снять, могло что-то внятное и показаться. Раздельно, четко и по возможности без нажима Ирина сказала: - Я могу сделать так, чтобы у тебя не болела голова. Но для этого мне надо подойти. Да? Согласен? Сейчас подойду и подлечу тебя. Договорились? - Она осторожно сделала шаг ближе, потом еще шаг, проверяя, что не получит в лицо аналогичный вопль с требованием не подходить.

Зоран Вранич

— Не подходите, — сдавленно повторяет Зоран, как заклинание, в тщетной надежде, что оно сработает. А оно... внезапно и впрямь срабатывает. Хотя казалось бы, у

незнакомца нет ни одной причины прислушаться – и тем не менее, он замирает, бросает попытки приблизиться. Проявляет понимание – и Зоран старается ответить тем же, проявить встречное понимание, что есть сил вслушивается в обращенные к нему слова.

Вопрос неожиданно застаёт его врасплох. Сосредоточившись на незнакомце, Зоран все никак не может заметить еще и появившуюся неподалеку девушку. Он обращает на нее внимание лишь после прямого указующего жеста. – и несколько полных секунд разглядывает удивленно и растерянно.

Она... нет, она не кажется Зорану опасной сейчас, когда терпеливо смотрит и обещает лечение. На самом деле, ему не кажется опасным и незнакомец, от него как будто можно скорее дожидаться помощи, чем подлости. Но матушка думает по-другому. Зоран по-прежнему чувствует ее плотную тень, все пытающуюся встать между ним и незнакомцем, и отзвуки ее испуга пульсируют болью у него между висков. А вот рыжая девушка... нет, ее матушка как будто не опасается, даже не оглядывается на нее. И потому Зоран честно отвечает: – Только вас.

Девушка тем временем обещает сделать так, чтобы у Зорана перестала болеть голова. Непонятно, за счет чего она планирует это сделать: у нее едва ли где-то в рукаве прячется аптечка с обезболивающим, да и в целом, насколько он сейчас может судить, она не выглядит как человек, который будет носить с собой хоть даже самую крошечную аптечку. Но какой у Зорана выбор? Или надеяться, что все пройдет как-нибудь само – или всё-таки рискнуть и довериться девушке. И Зоран все же осторожно соглашается: – Ладно. Договорились.

Эжен Савиньяк

- Не подхожу, - еще раз согласился Эжен. Он, конечно, не разбирался в целительстве, но пока, как ему казалось, не видел причин немедленно, наплевав на любые протесты, перебрасывать ученика через плечо, как мешок из-под картошки, и в принудительном порядке волочь в лазарет. Тем более, Ирина, которая вызвалась помочь и, по ее собственным уверениям, кое-какие вещи все же знала, пока тревожных сигналов не подавала. Эжен сильно сомневался, что девушка промолчала бы, если бы увидела что-то, что посчитала бы заслуживающим немедленного внимания и немедленных же решительных действий. Поэтому пока он полагал, что у них есть возможность не торопиться и постепенно, ступенчато разобраться с тем, в чем проблема юноши и как ее решать.

На самого Эжена ученик пока по-прежнему смотрел тревожными глазами. Зато подтвердил, что Ирина не вызывает у него опасений - вернее, у какой-то таинственной "нее", о которой все еще ничего не было известно, но вряд ли в данном случае была принципиальная разница. Эжен попросил Ирину: - Помогите, пожалуйста, - и мысленно порадовался тому, что девушка оказалась рядом. Без нее все могло оказаться в разы сложнее.

Какое-то время Эжен не спешил лезть с расспросами, а ждал, пока головная боль ученика перестанет так сильно осложнять диалог. Догадка у него была, и она только подкрепилась, когда выяснилось, что правило "не подходить" касается только его самого и на Ирину не распространяется, - но все равно, догадка эта была еще очень зыбкой и основывалась на том, что Эжен сам нетвердо понимал. Тут было бы

неплохо узнать еще хоть немного больше перед тем, как строить выводы. Эжен подождал, пока Ирина закончит целебные манипуляции, и тогда только уточнил: - Скажи, пожалуйста: эта "она", о которой ты говоришь, - кто она? Что ее пугает, чего она хочет? Ты можешь рассказать о ней больше?

Ирина Рейн

Да Ирину тут, в целом, и просить-то лишний раз не требовалось. Она и сама полезла бы помогать - не только для того, чтобы показать Эжену, какая она умница-благоразумница и заработать лишний плюсик в его глазах, но еще и потому, что зелёного от боли пацана ей было откровенно жалко и очень хотелось как-нибудь помочь. Вернее, почему "как-нибудь": она ж даже знала, как конкретно. Но все эти соображения ничуть не помешали рыжей зардеться в ответ на тихую просьбу Эжена и торопливо закивать: мол, да-да, щас все сделаю, только попроси.

Благо, здесь упрямитесь пацан не стал и подпустил Ирину к себе относительно спокойно, можно сказать, без боя.

- Ты только не дергайся, - все равно предупредила Ирина. Мало ли, люди разные есть, нервные, некоторые при виде магии сразу начинают выть и руками махать куда попало, это ж сейчас никому не сдалось. - Я тебя даже трогать лишний раз не буду, лады? Вот руки, на виду. Не трогаю. - Она поднесла ладони к лицу новичка, но задержала их чуть поодаль, и пальцами пошевелила: мол, вот они, пальчики, тут, никуда не лезут без спроса, ничего не трогают. И в то же самое время рыжая потянула от ладоней к голове мальчишки целебную энергию синего цвета, которой она намеревалась прибить боль и разобраться, откуда она там лезет-то.

Это был не такой простой прием, как хотелось бы. Обычно Ирина хваталась руками, потому что ей позволяли руками хватать, и сразу напрямую от пальцев вваливала энергию в тело пациента. Тут ей еще приходилось тянуться, и нужно было на этом сосредоточиться отдельно, не позволять энергии размазываться и разваливаться - ну, и Ирина стиснула зубы и таки не позволила. Не зря же она уже вовсю обкусывала снизу следующую, более-менее профессиональную ступеньку врачевания. Надо было соответствовать. И Ирина в своих глазах пока соответствовала - не без напряжения, но прибить чужую головную боль ей удалось.

Правда, после этого не то чтобы стало легче. Никаких понятных, четких симптомов, которые помогли бы вклеить пацану диагноз и с которыми можно было бы тут плюс-минус справиться, рыжей не открылось. Вместо этого она увидела две яркие верхние чакры - особенно самую верхнюю, та пылала аж на износ - и откровенно побоялась лезть.

- Блин, да это, похоже, из-за магии какой-то! - только и сказала она вслух. Верхние чакры - это что-то в районе всяких мысленных упражнений типа прорицания, на этом познания Ирины, заканчивались. Поэтому здесь она посчитала самым логичным допросить самого пациента и с подозрением поинтересовалась: - Это ты нам что тут сейчас наколдовать пытаешься?

Зоран Вранич

Пока Зоран тщетно ищет взглядом аптечку у рыжей девушки на поясе, на бедре или хотя бы в рукаве, та уже подходит ближе и неожиданно показывает ему... руки. Просто совершенно обычные руки, светлые и чистые, без колец, с парочкой ссадин на костяшках, с длинной красноватой царапиной на одной из ладоней — Зоран медленно скользит взглядом по этим деталям, цепляется за них, тщетно силясь сложить два и неведь что, понять, чего ждать и к чему идет дело.

Ему так и не удастся понять, почему и как, но внезапно становится легче. От лба и висков по голове словно бы прокатывается прохладная волна, остужает и унимает ноющую боль, и у Зорана от облегчения даже перед глазами проясняется.

Он чувствует, что это не надолго, что причина боли – матушкина встревоженная настойчивость – никуда не делась, а значит, недалек тот час, когда ее тяжелое сверло снова заставит голову запылать от боли. Но тем не менее, за передышку Зоран уже благодарен.

– Спасибо, – коротко говорит он. И пытается наскоро уточнить: – Это было наложение рук, что ли? – А тут и рыжая девушка сама уже начинает говорить про магию, обращаясь к незнакомцу, который по-прежнему ждёт рядом, и Зорану становится примерно понятно, в какую кроличью нору он забирается и какими способами его проблемы будут пытаться решить здесь.

Впрочем, неважно. Лишь бы помогло.

Вопросы незнакомца – прощупывающие, не очень приятные, тревожащие. Особенно они тревожат матушку, она беспокойно хлопочет рядом – *нет, не говори, они злоумышляют против меня, против нас, не помогай им, не смей*. Зоран колеблется, трёт висок, который уже понемногу начинает снова стягивать болью, и наконец все-таки решается ответить: – Это... моя мама. Она умерла некоторое время назад, но все равно вроде как со мной. Вот. – Рассказывать больше ничего он не готов, пока не поймет, как здесь отреагируют на его признание. И вглядывается в незнакомца пристально, с подозрением и вместе с тем – с легким интересом. Матушка по-прежнему готова грудью закрывать Зорана от него, и она, кажется, никогда раньше так не делала, и... *почему?*

Эжен Савиньяк

Подтверждений догадке постепенно набралось столько, что ее уже можно было оформлять в уверенную версию.

Во-первых, Ирина, взявшаяся облегчить головную боль ученика, довольно быстро сообщила, что причину видит в магии. Ничего конкретнее она не сказала, но Эжену отсюда уже хватало общих соображений, чтобы сделать выводы. Головную боль, как правило, вызывала магия, которая преимущественно концентрировалась именно в голове, там имела своеобразную "дверь", через которую направлялась сила мага. Так что список был весьма ограничен - и шаманизм, насколько Эжен разобрался по рассказам брата, в этот список входил. Ну и во-вторых, ученик все же ответил на обращенные к нему вопросы, хоть и неохотно, и очень сжато, и тем самым окончательно подтвердил подозрения. Они здесь говорили о духах - и это а) давало определенность, но вместе с тем б) требовало как можно скорее переводить дело в более разбирающиеся руки.

- Послушай, - терпеливо воззвал к ученику Эжен, стараясь его не задавить, а именно что переубедить - если на него, заметно накрученного, давить, это явно ничем хорошим не кончится. - Способность говорить с духами умерших - редкая, но не ненормальная. Но тебе нужно будет взять ее под контроль. Если ты не научишься контролировать свою магию, то она станет контролировать тебя сама. И поверь, хороших последствий в таких случаях не бывает. Если ты пришел сюда за помощью,

то тебе помогут. Ты найдешь здесь помощь, обещаю. Но для этого тебе придется довериться нам, а не ей. Ты сможешь? - Эжен в своем изложении, конечно, все ужасно упрощал до общих черт и старался в этих общих чертах не наврать. Но его текущий план был очень прямолинеен и включал всего два пункта: успокоить ученика и заручиться помощью Гийома. Более полезных действий он как будто предложить сейчас не мог.

Ирина Рейн

Новичок очень напоминал Ирине волчонка - настороженный, недоверчивый, даже смотреть умудрялся исподлобья, хотя роста явно был отнюдь не скромного. Но рыжей с ее целительскими замашками, кажется, удалось заработать в глазах пацана несколько очков доверия. Во всяком случае, бурчащего "спасибо" она удостоилась.

- Ну да. Типа того наложение рук, - подтвердила Ирина. - Полегчало же? Ну вот, работает лучше таблеток. Ты обращайся, если что. - Правда, лучше всё-таки не к Ирине, больные головы с налетом шаманизма было лучше к кому поопытнее носить. А насколько поняла рыжая - ну, вернее, как, сама она особо здесь ни черта не поняла, а сориентировалась в основном по вопросам, которые дальше стал задавать Эжен, - именно шаманизмом здесь дело и пахло. До одури.

Вообще, Ирина честно попыталась заткнуться и Эжену не мешать. Это он из них двоих здесь был мастером, и ученик, вероятно, попадал в его подопечные, и, короче, имел место типичный мастерско-ученический процесс, в который было нефиг влезать пятым колесом. Поэтому какое-то время Ирина как могла кусала себя за язык и молчала, и все сомнительные ремарки держала при себе. Если бы она ляпнула что-нибудь тупое в диалоге один на один, весьма вероятно, Эжен отнёсся бы снисходительно, может, даже какую-нибудь идиотскую шутку оценил бы. Но вот сейчас, когда нужно окутить и упаковать ученика, дурацкие вяки со стороны были бы лишними. Портить отношения с Эженом Ирина отнюдь не хотела - напротив, она вообще-то рассчитывала их настроить самым розовым образом.

Но, естественно, сидеть тихо и не брякнуть - это было выше ее сил.

- Тебя как зовут-то, бедолага? - спросила она и сочувственно взъерошила пацану волосы. - Я вот Ирина. А это - Эжен. То есть, э, короче, лучше он сам расскажет, - чуть смешалась Ирина, перехватив взгляд Эжена и запоздало вспомнив, что вообще-то здесь должно быть про всякое "сифу" и прочее вежливое обращение. - Ну, а ты?

Зоран Вранич

Зорану немного тяжело от того, что с ним общаются сразу двое. Ему приходится переключаться то туда, то сюда, а с третьей стороны его непрерывно раздергивает матушка, и трудно сосредоточиться потрескивающей головой, не запутаться, кто что от него хочет. Рыжая девушка поначалу вроде не хочет ничего, просто болтает. И отходить не спешит, хотя уже вроде по части наложения рук сделала все, что хотела, и больше ничего пока не предлагает. Но Зоран благодаря этому ее жесту теперь ее рукам вроде как немного доверяет. И совсем не против того, чтобы рыжая продолжала сидеть рядом. Тем более, что на нее матушка по-прежнему не реагирует. Матушку занимает и тревожит незнакомый парень. Тот, что с легкостью поддерживает разговор о мертвецах, словно это для него обыденность. Не удивляется, не сомневается, а просто тут же начинает объяснять, в чем проблема, чем это плохо и что делать, чтобы все исправить. Последнее, правда, размазанное

и не конкретное и сводится в основном к "пойдем с нами" — если Зоран правильно понимает то, что ему говорят. Матушка, впрочем, понимает так же. И воспринимает в штыки, злится и бесится: *не пущу!*

— И если я пойду с вами, вы научите меня, что делать? — уточняет Зоран. Терпеливость незнакомца постепенно начинает подкупать вопреки тому, как его присутствию противится матушка. И Зоран все же делится: — Я иногда просто хочу, чтобы она замолчала. Чтобы ушла хоть ненадолго и перестала на меня все время давить. Это ведь можно сделать? Вы расскажете мне, как?

Рыжая решает снова вмешаться именно в этот момент. Наверняка она сама того не знает, но она хорошо делает, что представляет и себя, и парня, тем размазывает зарождающееся доверие на них обоих примерно в равной степени. В том, как она формулирует вопрос, как без спроса притрагивается к волосам, ощущается отчётливое тепло. Зоран поддаётся этому теплу, представляется в ответ: — Я Зоран, — и ему всего семнадцать, и у него правда уже почти нет сил, поэтому следующим из него вырывается обращенное к сочувствующим глазам Ирины, почти плаксивое: — Помогите мне, пожалуйста. Я не хочу так больше, не могу, я не знаю, сколько выдержу еще.

Эжен Савиньяк

У Эжена пока не было никаких проблем с тем, что Ирина тоже общается с учеником и несколько оттягивает его внимание на себя. Она как будто более-менее расположила его к себе тем, что подлечила его головную боль, и ее он слушал как будто охотнее, тогда как на самого Эжена косил скорее настороженно. Так что, в общем-то, было даже хорошо, что Ирина пришла и теперь активно участвовала во встрече. Без нее это было бы, наверное, тяжелее. А сейчас она очень ловко срезала некоторые углы, и в чуть другой ситуации Эжен бы, наверное, даже любовался тем, как она проталкивает забуксовавшую беседу на следующую ступеньку. Впрочем, несправедливым было говорить, что с самим Эженом ученик говорить не желал. Наоборот, мало-помалу начинал общаться, задавать вопросы, и оставлять эти вопросы без внимания было никак нельзя.

- Нет. Лично я - нет, не расскажу, - честно сказал Эжен. - Зато я могу отвести тебя к тому, кто научит. К тому, кто сам проходил через схожие трудности и не понаслышке знает, как это тяжело и как с этим бороться. Он поможет тебе со всем справиться, обещаю. - В другой ситуации такие обещания могли бы оказаться скользкими, но здесь Эжен - да, со значительной долей наглости - закладывался на то, что все же сможет допроситься у брата помощи. Конечно, одолжение здесь вырисовывалось немаленькое - но и дело было не ерундовое, а важное, и кому как не Гийому было об этом знать.

Эжену показалось, что обещание помощи вместо того, чтобы обнадежить и поддержать ученика, только наоборот, подломило его, если судить по тому, как он обратился к Ирине. Возможно, то, что он почувствовал поддержку, несколько расслабило его, и из-за этого груз на его плечах стал казаться тяжелее. В любом случае, Эжену казалось, что вежливых реверансов уже было сделано достаточно и пора было куда-то двигаться, особенно с учетом запросов самого ученика. Эжен настойчиво сказал: - Чтобы стало легче, тебе надо пойти с нами. Предлагаю больше не откладывать, если тебе тяжело. Пойдем. - И, перехватив взгляд Ирины, он

легонько повел подбородком в сторону ворот, предлагая девушке тоже подключаться к тому, чтобы отвести ученика в монастырь. Пока у нее как будто выходило взаимодействовать с ним очень неплохо.

Ирина Рейн

Несмотря на то, что внешне Ирина часто ершилась, грубила соседям и вообще вела себя абсолютно неделикатно, при определённых условиях ее было легче легкого развести на сострадание. Подбирать и обхаживать всяких подбитых воробьёв она не то чтобы любила - просто неслась брать под свое крыло, насколько могла, искренне считая, что ну как их бросить, таких нелепых и бестолковых, они же сами по себе пропадут. Когда-то именно так случилось с Райан, за которую Ирина до сих пор была готова откусывать лица не глядя, не разбирая ни чинов, ни званий, а теперь вот, Зоран метил в ту же воронку. У рыжей и так сочувственно подрагивало сердце, когда она видела, какой этот подросток взъерошенный, похожий на брошенного волчонка и измученный. А потом он ей в лицо слезливо сообщил, что никаких сил у него больше нет - ну и все, и окончательно вписал себя в категорию бестолковых нежных существ, которых нужно спасать всеми силами.

- Да что ты, заяц! – растроганно воскликнула Ирина. Она дернула Зорана к себе, почти что уткнула его в себя и крепко обняла. - Что ты! Не бойся, все у тебя будет хорошо. Чуть-чуть еще осталось потерпеть, и все! И мы тебе обязательно поможем.

- Она снова погладила мальчишку по голове и поверх его плеча уткнулась в Эжена возмущенным взглядом, потому что из того вдруг полезло невесть откуда взявшееся "нет". Что значит "нет"? Что же им теперь, бросить мальчика на пороге, что ли?

По счастью, оказалось, что это было не просто "нет", а "нет, но...", и план у Эжена все-таки был, заключающийся не в том, чтобы отказаться от проблемного ученика. Уяснив это, Ирина немного успокоилась. И снова полностью переключилась на пацана: - Давай, надо идти. Сам сможешь? Или тебе помочь? - и рыжая с готовностью подставила плечо - поддержать Зорана на случай, если вдруг окажется, что он уже успел обессилеть настолько, что чисто своими ногами теперь никак.

Зоран Вранич

По плечу Ирины Зоран неожиданно для себя самого размазывается почти что в сопли.

Ему, оказывается, очень не хватало вот такой простой безусловной поддержки: чтобы кто-то обнял, потрепал по голове и пообещал, что все будет хорошо. Ирина же именно это и делает, с такой горячей искренностью, что не поверить ей кажется невозможным. И Зоран доверчиво прикивает к ней в ответ, вцепляется в девушку так, что пальцы начинает ломить. Еще сильнее у него ломит виски от ревнивого вопля матушки – но это не важно в сравнении с тем, какое тепло ему сейчас дарят руки незнакомой, по сути, девушки. Он наконец-то не один, и это ощущение вдруг оказывается таким большим, что распирает грудь изнутри, как раздувающийся воздушный шар. Зоран тихо бубнит Ирине в плечо: - Я вам верю. Верю.

Если Ирина поддерживает эмоционально, то Эжен обещает конкретную помощь. Не с первого раза, но до Зорана все же доходит: пусть Эжен не может помочь немедленно и сам, зато он знает в монастыре кого-то, кому это по силам, кто подскажет, как сдержать натиск матушки и избавиться от головной боли. И, видимо, знает хорошо, раз дает обещания не за себя даже, а за неизвестного пока человека. Все это наконец удаётся уяснить, и Зоран соглашается: – Хорошо. Я иду. – Он за

этим ведь и добирался до далекого монастыря: чтобы ему помогли наконец погасить настойчивый мертвый голос в голове. И теперь как будто вот она, помощь, всего на расстоянии нескольких шагов, и... Зоран вглядывается поочередно то в Эжена, то в Ирину, и как будто не находит причин не попытаться им довериться.

— Я сам дойду, я могу, — упрямо говорит он. Хотя ему в итоге и приходится все же ненадолго опереться на плечо Ирины, чтобы встать — уж на своих двоих-то он стоит и полагает, что этого ему хватит, чтобы дойти... куда-то, туда, куда его намеревается отвести Эжен. Зоран уточняет: — Здесь ведь недалеко уже, да? — и начинает шагать, стараясь игнорировать то, как злится на него матушка.

Эжен Савиньяк

Стоило допустить одно неосторожное слово - и то, Эжен позволил его себе исключительно в попытках честнее объяснить ученику, чего ему ждать за воротам монастыря и к чему следует готовиться, - и Ирина немедленно ответила на это таким возмущенным взглядом, словно это проскользнувшее мимоходом "нет" оскорбило ее лично. Эжен выдержал этот почти режущий взгляд, позволил ему соскользнуть - Ирина просто переживала за Зорана, и в этом не было ничего ужасного или даже плохого, наоборот, это выдавало в ней чудесное движение души, - и терпеливо закончил объяснение.

И, кажется, примерно на этом они наконец-то все друг друга поняли и более-менее договорились, нашли ту точку, на которой все были со всеми согласны - более того, из которой все наконец были готовы действовать. Зоран отверг помощь Ирины, заявил, что может идти сам - впрочем, у Эжена все равно сложилось стойкое впечатление, что Ирина его уже и не оставит. Она явно уже мысленно записала юношу под свою опеку, и у нее глаза пылали, кажется, как никогда - не отвлекаться на это Эжен мог себя заставить, но не замечать, как это идет девушке, как преображает ее лицо и углубляет ее красоту, было ему не по силам.

- Да, здесь недалеко, - согласился Эжен. Понятно, что никакой экскурсии петлями он сейчас проводить не собирался, просто потому что Зоран явно был не в том состоянии, которое благоволило бы экскурсиям. Его явно ждала ближайшая свободная циновка и помощь более опытного шамана, вот и вся программа на день. Впрочем коротким мазком Эжен все же обозначил, когда новый ученик прошел сквозь арку ворот: - Добро пожаловать в Линь Ян Шо. Если захочешь, я потом проведу тебе экскурсию и расскажу, где что.

Пока же отвлекаться на это явно не стоило, и Эжен повел Зорана прямой наводкой к жилым корпусам. Готовясь к встрече, он заранее разузнал, где есть свободные комнаты, чтобы потом не терять времени на поиски, так что сейчас вспомнить не составило труда. В жилом корпусе Эжен открыл дверь в первую же подходящую комнату, пригласил: - Располагайся, выбирай любую циновку. Я сейчас вернусь и приведу... специалиста, - и перед тем, как уйти, попросил Ирину: - Не уходи пока, пожалуйста, побудь здесь. Я быстро, обещаю. Помчусь стрелой и обернусь вокруг. - Привычки уходить из монастыря и бродить в отдаленных уголках у Гийома не было, так что Эжен искренне рассчитывал найти его очень быстро.

Ирина Рейн

Ох, да как он сюда такой добрался-то в одиночку, милое летнее дитя.

Ирина отчетливо умилилась и растрогалась, когда в ответ на попытку обнять Зоран доверчиво влип в нее и только что макушкой в ладонь тыкаться не начал. У рыжей что-то дрогнуло в груди, и мальчишку она обняла крепче прежнего. Как бестолкового младшего брата, который вляпался в проблемы и поломался и теперь его нужно срочно утешать, защищать и чинить, потому что он же свой, бестолковый. Правда, братьев у Ирины никогда не было, ни старших, ни младших. Но сейчас, обнимая Зорана, она вдруг подумала: *наверное, это ощущается как-то так*. И острее прежнего захотелось ему помочь - правда, это по большей части лежало вне полномочий Ирины, она только еще раз могла головную боль подзамазать, а тут требовался полноценный ремонт головы. И потому поверх плеча Зорана рыжая еще раз впиалась в Эжена требовательным взглядом - ну, он же мастер и просто хороший человек, он должен здесь включиться и что-нибудь сделать, не подвести!

Хорошо, что в итоге все сложилось, и они вроде как вместе разобрались, что идут в монастырь за профессиональной помощью, которую Эжен пообещал откуда-то вытащить - кто из опытных шаманов сейчас в монастыре-то был? сифу Рейс, которого сейчас фиг найдешь и вытащишь? сифу Петрович, которой тоже особо не видно и не слышно? или муж Доминики, который, кажется, тоже куда-то умотал? за кого хвататься-то? Но Эжен, видно, что-то знал, потому что обещал уверенно. И следом за его обещаниями Зоран выразил готовность идти, и даже самостоятельно, и от поддержки, которую предложила ему рыжая, отказался.

В теории, конечно, Ирина могла разораться из-за того, что она тут с лучшими побуждениями, а от ее помощи отмахиваются - разораться она в принципе могла примерно всегда, дурное дело нехитрое, - но тут был не тот случай. И упрямо поджатый рот Зорана ее скорее умилил. Ну надо же, какая лапушка, какая самостоятельная прелесть. Правда, то, как парнишка ухватился за плечо Ирины, когда поднимался, немедленно выдало, что не так он самостоятелен, как ему хотелось бы. Поэтому далеко от него Ирина не отходила, шла вплотную, готовая подхватить в случае чего.

Вообще-то на автомате она предполагала, что они с Эженом будут наоборот. Что когда доберутся до свободной комнаты, это он останется с учеником, а ей раздаст целевые указания, и она побежит искать нужного мастера. На деле же почему-то вышло вообще не так. Ирина захлопала глазами и ртом, и в первый миг с изумлением уточнила: - Я-а? - но тут же взяла себя в руки. Так, Эжен из них двоих тут мастер, он тут главный, должен знать, как лучше. Поэтому Ирина немедленно исправилась, кивнула: - Да, побуду, конечно. Давай, мы ждем тебя очень, - и обернулась к Зорану, перехватила его под локоть: - Ну-ка, а мы давай пока запаркуем тебя на циновке, чтобы попроще было.

Усадить ученика, ждать и транслировать уверенность в том, что все будет хорошо, - вот, в основном, и все, что она сейчас могла.
